

Значительное место в чукотско-камчатской мифологии занимают мифы о *людях-животных* и *людях-птицах*. «Людьми» называются не только представители человеческого рода, но все живые существа, населяющие мир. Как уже было отмечено выше, архаичный человек не отделял себя от природы и был уверен, что он один из многочисленных «народов», таких как медвежий, тюлений, лебединый народ и т.д.

Все эти «народы» равноправны, они взаимодействуют друг с другом, ссорятся, заключают союзы, вступают в смешанные браки. Люди-животные и люди-птицы обладают двойственной природой, могут принимать зооморфный и антропоморфный облик, причем переход от одного к другому — это не превращение, требующее усилия, а естественное проявление той или иной сущности каждого персонажа.

ЧУКЧИ

Писатель и этнограф Владимир Германович Тан-Богораз, много лет проживший среди чукчей, писал о них так: «Это были охотники, нападавшие с копьем в руках на огромного белого медведя, мореплаватели, на утлых кожаных лодках дерзавшие лавировать на негостеприимном просторе полярного океана, люди, для которых холод был стихией, океан — нивой, а ледяная равнина — поприщем жизни».

Сейчас чукчи занимают обширную территорию на Дальнем Востоке, значительная часть которой лежит за полярным кругом. Но даже наиболее южные ее области отличаются крайне суровым климатом из-за влияния Чукотского моря, круглый год покрытого льдами.

Согласно переписи 2010 года численность чукчей — около шестнадцати тысяч человек. Чукчи, обитающие на побережье и занимающиеся охотой на морского зверя, называют себя

анкалыт — «морские жители». Другая же часть народа — оленеводы из тундры — называют себя *чавчуват* (*чавчу* — «богатый оленями»). Отсюда и пошло русское наименование «чукча».

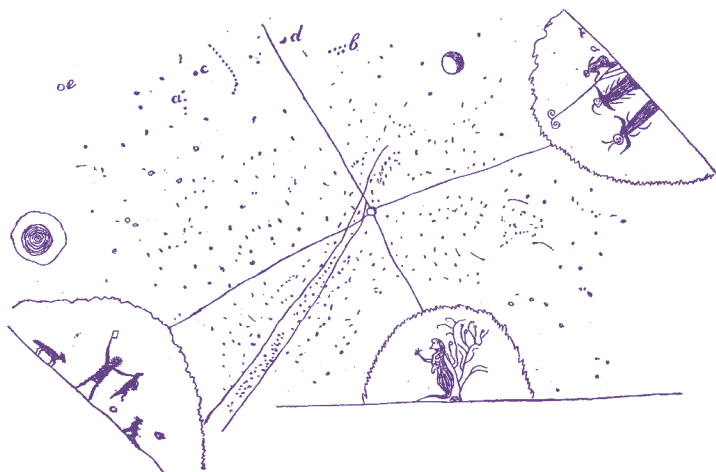
В одном из чукотских преданий рассказывается, каким образом произошло такое разделение на береговых жителей и жителей тундры:

В давние времена олени жили на берегу моря рядом с китами. Но однажды олень и кит заспорили, кто из них сильнее, и решили испытать свою силу. Олень свил веревку из травы, кит — из морских водорослей, связали обе веревки вместе, взялись за концы и стали тянуть каждый на себя. Тянут-тянут, не могут перетянуть один другого. И вдруг — лопнула веревка. Кита унесло на морскую глубину, а оленя отбросило далеко в тундру. С тех пор олени там и живут, а оленные чукчи ушли вслед за ними.

Как и большинство народов, чукчи представляли Вселенную состоящей из трех миров: верхнего — небесного, среднего — земного и нижнего — подземного, причем верхний и нижний, в свою очередь, состояли из нескольких ярусов.

Верхний мир — «облачная земля» — населен «верхним народом», или «народом рассвета». К нему принадлежит имеющий антропоморфный облик *Хозяин неба* и его семейство, небесные светила, а также персонификации таких явлений, как рассвет (иногда он отождествляется с Хозяином неба), полдень, ночная тьма. Ось мира — Полярная звезда — своего рода «небесный кол», к которому привязаны звезды. Верхний мир во многом похож на земной, и в мифологических сказках его часто называют Верхней тундрой.

Земля — мир людей — представляет собой плоский диск, накрытый, как куполом, небесным сводом, опирающимся на гигантские скалы. Эти скалы высятся у самого горизонта

Выпуклая карта трехъярусного мира. Чукчи. 1925 г.

и то размыкаются, открывая путь ветрам и пропуская перелетных птиц, то опять смыкаются.

Нижний мир — обитель злых духов и антипод земного мира. Когда на земле день, в подземелье ночь; когда наверху зима, там лето; лево там справа, а право — слева.

«ВЕСТИ НАЧАЛА ТВОРЕНИЯ»

Мифы о сотворении мира чукчи называют «вестями начала творения». Как уже было отмечено, в них не рассказывается о самом первом этапе этого процесса: мир возникает не на пустом месте, а внутри уже существующей Вселенной. Одна из таких «вестей» начинается вполне обыденно, по-бытовому:

Жили муж с женой, и была у них единственная дочь. Отец решил выдать ее замуж за богатого старика-оленовода. Но девушка сказала: «Не хочу. Если стану его женой, всю жизнь

свою загублю!» Отец сначала уговаривал ее, потом рассердился и велел на следующее утро убираться из дома: идти куда хочет и жить как сама знает. Заплакала девушка, заплакала ее старая мать, но делать нечего.

Вечером улеглись родители спать, а девушка стала собираться в дорогу. Сложила в мешок свои детские игрушки: нерпичьи косточки, моржовые зубы, китовый ус, узелок с мышинными шкурками, оделась потеплее, прихватила копье и гарпун. Утром, не дожидаясь рассвета, вышла из яранги и пошла куда глаза глядят.

Д. Лерпиньер. Чукотский народ и жилища. 1784 г.

Долго шла. Устала, проголодалась. Пришла в какое-то селение, попросила поесть. Но люди из этого селения каким-то образом узнали, кто она и откуда, и сказали: «Ты непокорная дочь. Уходи!»

Побрела девушка дальше. Вышла к морю. Огляделась вокруг и подумала: «Это хорошая земля...»^{*}

^{*} В последующей части повествования бытовая история становится мифом: героиня превращается в божество, наделенное мощной творческой силой. *Здесь и далее в сносках, за исключением оговоренных случаев, примечания автора.*

Поднялась она на высокий холм, достала из мешка нерпичьи косточки, бросила в воду и сказала: «Завтра, когда я проснусь, много нерпы будет в море!» Потом взяла моржовые зубы, рассыпала их по берегу: «Завтра, когда я проснусь, будет здесь моржовое лежбище». После этого вытащила китовый ус, забросила его подальше в море: «Пусть завтра утром появятся в море киты!»

Спустилась девушка с холма, пошла вдоль берега. Подобрала два больших камня, посмотрела на них и решила: «Этот камень будет хорошим мужчиной, а этот — хорошей женщиной». Потом подумала: «Мало одного мужчины и одной женщины», взяла два камня поменьше и сказала: «Этот камень будет девочкой, этот — мальчиком. Вырастут они, поженятся, народят много-много детей».

Ожили камни, стали людьми.

Построила девушка для людей жилище из травы и веток, сшила им из мышиных шкурок одежду: штаны, кухлянки, торбаза* — и велела: «Ложитесь спать. И я тоже лягу — на сегодня окончена моя работа».

У воды сделала она для себя шалаш, забралась в него и заснула.

Утром проснулись люди. Говорит женщина мужчине: «Надо разбудить нашу бабушку, которая нас сотворила!» Подошли они к шалашу, стали звать: «Бабушка, вставай!» Выглянула девушка из шалаша, да только была она уже не девушкой, а старухой. Большую работу сделала, много сил потратила, вот и состарилась.

Стала она учить береговых людей лодки строить, на морского зверя охотиться, огонь добывать, мясо варить.

* Кухлянка — мужская и женская меховая рубаха; торбаза — высокие сапоги из оленьей шкуры. *Прим. ред.*

Однажды пришли к морю люди из тундры, стали просить: «Идем, бабушка, теперь к нам!» На руках отнесли ее в свое стойбище. Набрала старуха в тундре камней — белых, черных и пестрых, — стали камни оленями. Научила она обитателей тундры кочевать, оленей пасти и шить из их меха одежду.

А потом собрала береговых и оленных чукчей и велела им между собой жить мирно, менять тюлений жир на оленину, китовый ус — на олени шкуры и во всем друг другу помогать.

Прошло время, и однажды решила старуха: «Всю свою работу я сделала, старая стала, пора мне умирать». Созвала она людей, накормила их, напоила, простилась со всеми, а потом надела на шею длинный ремень и приказала затянуть концы*.

В другом варианте чукотского мифа о сотворении мира в качестве творца выступает некое высшее существо, загадочный Хозяин неба, которого называют *Тэнантомнын* — «Созидающий» или *Тынагыргын* — «Рассвет». Однако и в этом случае мир возникает не из ничего. Кругом царит непроглядная тьма, но в ней уже существуют две земли: земля *Лурэн* и земля *Кэнычвэй*** . Творец создает двух птиц, Великого ворона и куропатку, и велит им продолбить во мраке дыру. Сквозь нее в мир проникает свет. Когда стало светло, творец бросил на землю нерпичьи кости, которые превратились в людей, а затем сотворил разных зверей: оленей — из тальника***, бурого медведя — из земли и т.д.

После этого творец ушел на небо, поручив дальнейшее обустройство земли Великому ворону — герою особого мифологического «вороньего цикла».

* У многих первобытных народов существовал обычай добровольного ухода из жизни стариков, которые уже не могли быть полезными для соплеменников и не хотели быть для них обузой. Такая смерть считалась почетной и сопровождалась торжественными ритуалами.

** Примечательно, что такие названия носят два чукотских села.

*** Тальник — ивовый кустарник. *Прим. ред.*

МИФЫ «ВОРОНЬЕГО ЦИКЛА»

Ворон — центральный персонаж мифологии северо-восточных палеоазиатов. Обширный цикл сказаний о нем включает в себя множество фольклорных произведений разного жанра — от космогонических мифов до сказок-анекдотов. Ворон предстает в них как в антропоморфном, так и в зооморфном обличье*.

Чукчи называли его *Куркыль*. Сюжеты, в которых он действует по поручению творца, считаются древнейшими, однако более широко распространены мифы и мифологические сказки, где ворон по собственной инициативе создает людей и зверей, а потом обустроивает землю, чтобы она стала пригодной для жизни, учит людей строить жилища, добывать пищу, шить одежду и т.д. Один из главных подвигов Великого ворона — возвращение на небо светил, похищенных злыми духами.

Как-то раз солнце, луну и звезды похитил злой дух кэле. Мир погрузился во тьму. Плохо стало жить и людям, и зверям, и птицам. Стали они просить: «Куркыль, ты все можешь! Верни на небо светила».

Полетел Великий ворон на край света, туда, где небо сходится с землей, продолбил острым клювом отверстие и пролез во владения злого духа. Увидел большую ярангу, а около яранги маленькую девочку — дочь кэле, которая играла круглым, сверкающим мячом.

Куркыль попросил принять его в игру, хитростью выманил у нее мяч и еще два других и пустился бежать. Дочка кэле пожаловалась отцу, тот погнался за вороном, но не догнал. Куркыль благополучно вернулся на землю и забросил на небо

* Образ ворона занимает большое место также в мифологии эскимосов, алеутов и североамериканских индейцев.

все три мяча, один из которых стал солнцем, другой — луной, а третий раскололся на кусочки и превратился в звезды.

То, что небесные светила в мифе представлены именно таким образом, не случайно. Ритуальные мячи, сшитые из нерпичьей шкуры, набитые оленьим мехом и украшенные вышивкой и аппликацией в виде концентрических кругов, символизирующих солнце*, имели большое значение для северо-восточных палеоазиатов. Игры с таким мячом устраивались в честь окончания полярной ночи — одного из важнейших годовых событий у жителей Заполярья, веривших, что, подбрасывая в небо мяч, они способствуют пробуждению солнца.

О появлении подобных игр рассказывается еще в одном мифе — варианте сказания о возвращении похищенных небесных светил:

В большой небесной яранге жила Небесная женщина. Хозяйством она не занималась, а целыми днями играла: утром пролетит, поест и до вечера подбрасывает мяч и ловит. А потом спать ложится.

Раз подумала Небесная женщина: «Мяч у меня уже старый, потертый, нужно бы новый сшить, да только вот из чего?»

Сняла она с неба солнце и луну, сшила их вместе, звезды насыпала внутрь вместо набивки, заделала шов. Красивый мяч получился: с одной стороны солнце, с другой — луна. Полюбовалась она им и стала играть. Подбросит вверх — станет светло, поймает — станет темно. Весь день так забавлялась, вечером ушла в ярангу спать. И мяч унесла.

* Такой мяч обычно называют «эскимосским», поскольку, по мнению исследователей, чукчи заимствовали его у эскимосов. Сейчас подобные мячи стали одним из символов Чукотки и популярным сувениром.

В. Наус. Ворон и девушки
Моржовый клык, резьба, гравировка. 1980-е гг.

А на земле без светил наступила непроглядная тьма. Страшно стало людям: как теперь жить?

Один храбрец сказал: «Отправлюсь-ка я искать светила. Отыщу и верну на небо»^{*}.

Запряг он в нарты ездовых собак, а чтобы было видно дорогу, взял длинную толстую жердь, обмакнул ее конец в нерпичий жир и поджог — получился факел, ярко полыхающий во тьме.

Небесная женщина выглянула из своей яранги, увидала свет внизу и подумала: «Какой умный человек, факел придумал! Надо выйти ему навстречу». Спустилась она на землю, встала на дороге, подбросила мяч. Сразу стало светло. Понял Куркыль, куда подевались солнце, луна и звезды.

Подъехал он к Небесной женщине, остановил собак, выхватил каменный нож и сердито закричал: «Ты лишила всех людей света! Сейчас я тебя убью!» Испугалась она и взмолилась: «Не надо, я верну светила на небо!» — «Ладно, — уступил Куркыль, — если так, не стану тебя убивать».

Бросила Небесная женщина мяч на землю. «Нет, — говорит Куркыль, — нужно его разрезать и вверх подбросить!»

^{*} В этом мифе, в отличие от предыдущего, Куркыль предстает в человеческом обличье.

Жалко Небесной женщине красивого мяча, но делать нечего. Распорол она швы — рассыпались звезды по небу. Взлетели в небо половинки мяча — вернулись на свои места солнце и луна. Стало на земле светло, как прежде. «Никогда больше так не делай», — сказал Куркыль, и женщина пообещала: «Не буду».

Обрадовались люди теплу и свету, а Небесная женщина поскучала-поскучала да и стала шить мячи из кожи и меха и вышивать на них солнце, луну и звезды. Много нашила таких мячей — всем людям хватило.

Т. В. Муравьева. Небесная женщина с мячом

Как уже упоминалось, ворон иногда выступает как комический персонаж. К примеру, мифологическая сказка «Ворон и Кулик» представляет собой пародию на освобождение солнца:

Задумали Ворон и Кулик жениться. Пришли в лебединое стойбище, чтобы высватать себе невест-лебедушек. А тут вдруг поднялась снежная буря. Хозяин стойбища говорит: «Ну, женихи, покажите свое умение! Кто из вас вернет хорошую погоду?»

Ворон отвечает: «Я верну. Только дайте мне теплую одежду и побольше еды».

Дали ему всё, что он просил. Ушел Ворон в сопки, зарылся в снег. И просидел в снежной норе, пока не съел всей еды. Потом вылез, вернулся в стойбище и сказал: «Не получилось у меня вернуть хорошую погоду».

Тогда Кулик говорит: «Теперь я попробую». Ничего с собой не взял, полетел на небо. Видит — Хозяин неба лопатой бросает снег на землю. Кулик предложил: «Давай я тебе помогу». Отвечает Хозяин неба: «У меня лопата только одна». — «Ничего, — говорит Кулик. — Ты отдохни, а я поработаю». Взял Кулик лопату и улетел с нею на землю. Нечем стало Хозяину неба снег вниз бросать, унялась снежная буря.

Похвалил хозяин лебединого стойбища Кулика, потом сказал: «Теперь посмотрим, кто из вас найдет хорошее пастбище для оленей».

Ворон погнал оленье стадо на то место, где когда-то было чукотское стойбище. Рассыпан там старый мох, служивший в ярангах подстилкой, валяются всякие отбросы и объедки. Ворон говорит: «Вот хорошее место: и оленям мох, и мне еда». И стал клевать объедки. А Кулик пригнал оленей в тундру, где рос свежий мох и было много грибов и ягод.

И снова хозяин лебединого стойбища похвалил Кулика. Потом задал он Ворону и Кулику третью задачу — привезти дров из тундры.

Взял Ворон большие нарты и длинную веревку. Не доехав до тундры, нашел гнилую палку, привязал веревкой к нартам и вернулся в стойбище. А Кулик нарубил в тундре много дров, да еще застрелил медведя. Положил медвежью тушу поверх дров и поехал обратно. Увидел Ворон убитого медведя, испугался. Бежит, кричит: «Прячьтесь скорее. Кулик страшного зверя везет!» Забился в ярангу под шкуру да и просидел там целый день. Вылез, когда медведя уже съели.

Хозяин стойбища сказал Ворону: «Уходи отсюда, нет у нас для тебя невесты!» А Кулику отдал в жены белую Лебедушку.

Т. В. Муравьева. Хозяин неба и кулик

Идет Ворон по тундре, злится. А тут еще солнце прямо в глаза светит. Подпрыгнул он до самого неба, склюнул солнце и спрятал себе за щеку. Стало на земле темно и холодно.

Кулик говорит: «Не иначе это Ворон сделал! Придется теперь из-за него всем жить во тьме!» Но его жена Лебедушка сказала: «Я верну солнце на небо». Полетела она следом за Вороном. Видит — сидит Ворон, а щека у него оттопырилась.

Лебедушка говорит: «Сделай милость, отпусти солнце! Как жить без него?» Но Ворон только головой помотал. Подошла Лебедушка к Ворону поближе, пощекотала ему шею. Ворон ежится, но рта не раскрывает. Тогда стала она щекотать его под крыльями. Не удержался Ворон, засмеялся, разинул клюв. Вылетело солнце, поднялось на небо, и стало опять в мире светло.

В большинстве сказок, где образ ворона представлен комично, он выступает как отрицательный герой — обманщик, трус, лентяй и обжора, но иногда проявляет великодушие и смелость, защищает слабого и наказывает злодея.

Однажды убежал заяц от волка и провалился в глубокую яму, где жил злой великан. Увидел он зайца, обрадовался: «Обед сам ко мне пришел!» Но в тот день великан был уже сыт, поэтому

решил оставить добычу на завтра. Поднатужился заяц, подпрыгнул как можно выше и выскочил из ямы. Бросился бежать со всех ног, а великан — за ним. Налетел заяц на Куркыля, закричал: «Спаси меня, спрячь от великана!» — «Ладно, — говорит Куркыль, — ложись на землю, а я тебя прикрою». Лег заяц на землю, лапы подобрал, уши прижал, а Куркыль на него сверху сел и крылья распустил. Тут подбежал великан: «Эй, Куркыль! Не видал ли ты зайца?» — «Он вон в том кустарнике спрятался». Полез великан в кусты, а Куркыль говорит зайцу: «Беги скорее отсюда, да впредь будь осторожнее».

Убежал заяц. А великан никого не нашел и вернулся к Куркылю: «Обманул ты меня! И за это я тебя съем». Рассмеялся ворон: «Никому еще не удавалось меня съесть, и тебе не удастся!» Начал он расти, обернулся гигантской птицей, так что великан рядом с ним показался не больше собаки. Испугался великан, задрожал. А Куркыль говорит: «Так уж и быть, помогу тебе изловить твою добычу. Видишь на луне белое пятно с длинными ушами? Это заяц, я его туда забросил». — «Как же мне до него добраться?» — «А я тебя подниму». Схватил ворон великана когтями, взмахнул огромными крыльями и взмыл в небо. Поднялся высоко-высоко и спрашивает: «Какой отсюда кажется земля?» Отвечает великан: «Как большое круглое озеро». Поднялся Куркыль еще выше: «А теперь?» — «Теперь не больше яранги». — «Ну значит, луна уже совсем близко. Теперь ты сам до нее долетишь». — И разжал когти.

Полетел великан камнем вниз, ударился о землю, да так сильно, что вонзился в нее головой, только ноги остались кверху торчать. И превратился великан в скалу с двумя выступающими утесами.

В сказках у Великого ворона большая семья: жена Мити и много детей. Мити хотя и происходит, как и ее муж, из птичьего (сорочьего) рода, но в сказках всегда предстает в образе обычной

женщины. А вот сыновья и дочери Куркыля, как и он сам, обладают двойственной природой и легко меняют птичий облик на человеческий и обратно. Домашние Куркыля иногда выступают против его плутовских проделок, которые, как правило, заканчиваются неприятностями для всей семьи, но иногда помогают ему.

В одной из мифологических сказок Куркыль живет с женой и детьми на высокой горе и однажды замечает, что у подножия пасется стадо оленей. Он отправляет младшего сына Сисильхана к небесному владыке Тынагыргыну узнать, чьи это олени.

Обернулся Сисильхан вороном, полетел на небо. Зашел в ярангу Тынагыргына, снова принял человеческий облик. Спрашивает его Тынагыргын: «Зачем пришел?» — «Меня отец прислал узнать, чьи олени пасутся у нас под горой».

Сдвинул Тынагыргын с места жировой светильник, которым освещалась его яранга, — образовалась в небе большая дыра. Посмотрел Тынагыргын через эту дыру на землю и сказал: «Это олени таннитов^{*}».

Сисильхан был таким же плутом, как его отец, и, вернувшись на землю, не сказал правды, а объявил: «Тынагыргын говорит, что это наши олени». Обрадовался Куркыль и велел Сисильхану и его старшему брату Эмемкуту перегнать стадо на гору.

Танниты тем временем хватились своих оленей. Долго искали, наконец таннитский старейшина поднялся на гору и увидел там свое стадо. Но поскольку все олени похожи друг на друга, он засомневался, их это стадо или чужое. Спросил Куркыля: «Чьи это олени?» Тот ответил: «Наши!» Таннит поверил и ушел, но олени узнали хозяина и побежали вслед за ним.

Увидел это Куркыль и возмущенно закричал в небеса: «Эй, Тынагыргын, помоги! Наше стадо угнали!» — «Я же сказал

^{*} Танниты — в чукотском фольклоре общее название для врагов-иноплеменников.

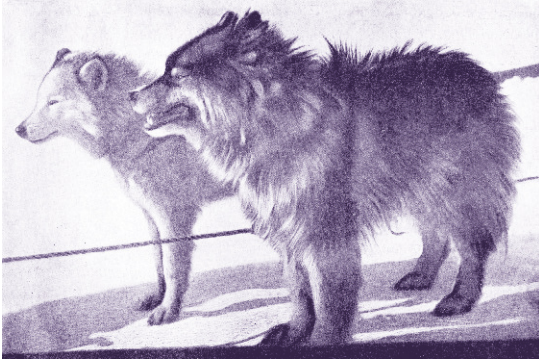
твоему сыну, что это олени таннитов». Понял Куркыль, что Сисильхан его обманул, но терять оленей ему было жалко, и он отправился к таннитам. Отыскал старейшину и сказал ему: «Я найшу на твоего сына тяжелую болезнь, но если ты отдашь мне стадо, то исцелю его, и он останется жив». Танниты закричали: «Целое стадо за лечение — слишком много! Столько и шаманы не просят!» И набросились на Куркыля, чтобы его убить. Тот произнес заклинание — и провалился под землю, прошел под ней и благополучно вылез в своей яранге.

Но ему хотелось заполучить оленей, поэтому он солгал сыновьям, что танниты испугались и отдали ему стадо, и снова послал Эмемкута и Сисильхана перегнать оленей на гору. Однако танниты были настороже и крепко поколотили братьев. Притащились они домой еле живые, стонут, охают. Эмемкут сказал отцу и младшему брату: «Больше я никогда не буду помогать вам в ваших проделках. Из-за вашей лжи и жадности мы едва не погибли». И ушел из дома.

ПИСВУСЪЫН И КЕРЕТКУН

Как и все древние народы, чукчи обожествляли природу и верили, что мир населен многочисленными духами — хозяевами различных природных объектов и явлений.

Оленные чукчи, жившие в тундре, больше всего почитали *Писвусъына* — духа-хозяина диких оленей. Кочевое оленеводство составляло основу всей жизни. Главной пищей в тундре было оленьё мясо, из шкур шили одежду и обувь, а также покрывали ими яранги. На продукты оленеводства выменивали у береговых жителей жир морских животных, который использовали для заправки светильников, а также тюленью кожу, из которой делали летнюю одежду. На оленях ездили верхом и запрягали их в нарты.

Чукотские ездовые собаки. 1935 г.

Ездовые олени были прирученными, а стадные оставались дикими. Пасти стадо было нелегко, а порой и опасно, тем более что у чукчей не было пастушьих собак. Средней величины стадо насчитывало несколько сотен голов, олени постоянно норовили разбежаться по тундре, и от пастухов требовалось хорошее знание местности, быстрота реакции и смелость. Летом нужно было заботиться о том, чтобы оленей не заело несметное количество гнуса, зимой — защищать стадо от волков. Можно представить, насколько важное место занимал в жизни оленных чукчей Писвусьын.

Он почитался и как владыка всех остальных диких зверей. Чукчи верили, что Писвусьын живет в лесных оврагах и оттуда посылает животных навстречу охотникам, но он может рассердиться на человека, и тогда охота будет неудачной.

Писвусьына представляли маленьким человечком, его следы неопытный глаз легко мог принять за мышины. Говорили, что зимой он разъезжает на крохотных нартах из травы, запряженных коршунами или мышами, и сам может превращаться в птицу или мышь. Ему не нужна пища, он питается запахами. Однако при своем малом росте Писвусьын обладает огромной силой, проявляющейся при определенных обстоятельствах.

Хейттуухин. Скульптура белого медведя. 1919 г.

Однажды в лесу охотник сошелся в единоборстве с медведем, но никак не мог одолеть могучего зверя. Вдруг он увидел, что неподалеку Писвусьын борется с мышью и тоже не может справиться с ней. Человек и хозяин диких оленей переглянулись и решили помочь друг другу. Человек придавил мышь ногой, а Писвусьын схватил медведя и ударил его о землю, так что тот испустил дух.

В некоторых случаях Писвусьын может превращаться в великана. Известна серия рисунков выдающегося мастера традиционной резьбы по кости, чукотского народного художника Онно^{*}, на которых изображены сцены охоты Писвусьына на кита.

^{*} Современные искусствоведы относят Онно к одному из крупнейших мастеров прикладного искусства первой половины XX века. Отец Онно был шаманом, сам Онно тоже прошел обучение у известного шамана Тамнэ, при этом одновременно осваивал и искусство резьбы по кости. В 1920–1930-х годах жизнь на Чукотке начала стремительно меняться, открывались культбазы, школы, больницы, шла активная «цивилизация». «Все это, — писал этнограф И. П. Лавров, — вселило в Онно сомнения в правильности жизненного пути, указанного отцом-шаманом, и заставило его отказаться от намерения стать посредником между людьми и духами, которые казались ему еще где-то существующими, но уже не проявляли своего могущества. Онно остался на культбазе, усиленно начал заниматься искусством и скоро прославился

В честь Писвусына оленные чукчи дважды в год — осенью и зимой — устраивали особые праздники, во время которых совершался обряд жертвоприношения хозяину диких оленей. Ему приносили как настоящих оленей, так и их фигурки, сделанные из корней растений, а зимой — вылепленные из снега. На такие праздники часто приглашали береговых чукчей и эскимосов, которые привозили различные продукты морского промысла и обменивали на оленьё мясо и шкуры.

У береговых чукчей, охотившихся на китов, моржей и тюленей (их разновидности — нерпа и лахтак), особо почитался *Кереткун* — дух-хозяин всех морских обитателей. Кереткун с женой живет на дне моря и посылает добычу охотникам-мореходам. У Кереткуна темное лицо, а одевается он в белые одежды, сшитые из кишок морских зверей.

Морской промысел требовал смелости, сноровки, знания повадок животных. Добыть тюленя охотник мог и в одиночку, а для охоты на моржа объединялись несколько родственных семей, выходявших в море на одной байдаре. На кита шли несколькими байдарами.

К байдаре относились как к живому существу. Ранней весной береговые чукчи устраивали в честь нее праздник. В этот день мужчины заносили в ярангу все охотничье снаряжение, тщательно его чистили, смазывали оленьим салом. Женщины в это время готовили особую ритуальную пищу. Затем все шли на берег и торжественно снимали байдару с вешал. Морским духам приносили жертву — в воду бросали куски мяса, после чего лодку спускали на воду и выходили в море, открывая сезон охоты.

как лучший художник побережья. Однако он не только не скрывал своего неудачного опыта достижения шаманской силы, но, наоборот, довольно охотно рассказывал мне различные необычайные случаи, связанные с фантастическим миром шаманских видений».

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

